

Владимир Перцев

ПОРА УЖ К ВЕКУ ЗОЛОТОМУ

*Пора уж к веку золотому
Припасть натруженной пчелой...*

Именно это хочется произнести, беря в руки книжечку Леонида Советникова «Как весть о том...».

Конечно, под веком золотым я подразумеваю не только времена Пушкина и Державина, но нечто большее.

Приверженность Леонида Советникова классическому стиху очевидна. Его тяга к традиционным размерам, к определившейся веками строфике не вызывает сомнений. Любимый Леонидом ямб доминирует. Строгость ритма, правильность рифмы и чарующее созвучие отсылают нас к классическому наследию.

Однако, не только и не столько это имел я в виду, говоря о золотом веке. Открывая сборник, мы попадаем на античный пир, на тихую застольную беседу мыслителей и ценителей прекрасного. Мы оказываемся в близком соседстве с Сенекой, с Овидием, с тем же Державиным. Тихой тенью с нами присутствуют Тютчев, Баратынский и Фет. И наши современники, и мы сами.

Темы общие. Один подхватывает строку другого, продолжает по-своему, находя свои переливы смыслов и чувств.

И длится золотой век. Он и не прекращался никогда, просто доступен не для всякого, не всякий бывает позван на этот пир.

Для того, чтобы попасть на него, надо чтобы перестала жечь рана земной страсти, чтобы выцвели и поблели обиды и боли земной жизни. И тогда, в тишине, в одиночестве, проступят надмирные чертоги золотого века, в котором находят приют и Музы, и те, кто им бережно и страстно внимает.

Для меня несомненно, что Леонид Советников получил право входа в эти чертоги. И он, как равный среди равных, может восседать за дружеским столом и разделять общих неторопливых дум течение.

И, конечно же, стихи Леонида отчётливо перекликаются с теми, кто, будучи его современниками, так же как и он, присутствуют за общим столом.

Здесь и Константин Васильев, и Игорь Меламед, и Александр Калинин, и Николай Гоголев, и ваш покорный слуга... Мы все здесь и беседа наша не прерывается.

И конечно не случайно, что среди строк Советникова попадаются строки Васильева или Перцева. Это не оговорки, не заимствования, а поддержание беседы, общий разговор о вечном и прекрасном. Все мы причастны звукам поэзии, каждый отведал этот бесценный напиток, который навевает священный сон, поднимая нас из обывательского потребительского болота в надмирные пространства, давая возможность заглянуть в прошедшие и грядущие века, делая причастными вечности.

*Я словно Ной ступил на эту почву,
И понял, как она ещё свежа...*

говорю я и, слыша меня, но продолжая о своём, Леонид произносит:

*Я выйду из дома в зелёные пятна
Дрожащей листвы и скользкой травы,
Как Ной выходил. Бредя мхом и болотом,
Резучей осокой, колючим осотом
И счастьем, с каким не сыскать головы.*

*Забыв, зачем я вышел час назад,
Задумался, а годы пролетели.
Без цели обойду пустой осенний сад
В прожилках золотой и сонной канители...*

говорю я и Леонид подхватывает:

*Не простирай тоски и горестней, и выше
Посеребрённых звёзд и выдохнутых роз.
Считай: в цветущий сад я ненароком вышел –
Намало и шутя. Надолго и всерьёз.*

Тут же мелькает ночная бабочка в огне и боярышник, как истинный патриций, отсылая нас к поэзии Константина Васильева.

И переключка продолжается, подтверждая, что все мы – единый хор на вселенском пиру, и каждый имеет свою меру откровения.

Для меня очевидно, что книга «Как весть о том...» – это итог. Итог прожитой нелёгкой, ох, как нелёгкой, жизни.

Итог погружённой в мировую поэзию мысли.

Итог творчества, его зрелое приношение.

И это – черта, подбитая под периодом, каковой войдёт в историю русской культуры под соответствующим наименованием, которого мы пока не знаем, как не знает Россия тех, кто тихо, неприметно прошёл свой жизненный и творческий путь в годы смуты, в годы переворотов и предательств.

Одуревшая Россия в очередной раз, отринув накопления столетий, погнавшись за призраком личной свободы, выбрала путь тела, но не духа.

Однако, всегда были и есть те, кто внимает не громовому гласу толпы, но тихому шёпоту духа на чуткое ухо. Кто, являясь свидетелем протекающих эпох и меняющихся обстоятельств, не ввязываясь в свары, одиноко присутствует, как посланец небес, как тот, кто несёт таким же чутким одиночкам сокровенную *весть о том...*

Книга Леонида Советникова «Как весть о том...» является сборником стихотворений, написанных в разные периоды жизни и при разных обстоятельствах, но подобранных, искусно составленных таким образом, что всё разнообразие тем и мелодий соединяется неким таинственным ключом в единую симфонию.

В эту симфонию удивительно естественно вплетаются многообразные мотивы и ритмы, завораживая, зачаровывая читателя своей изысканной мелодичностью.

Перед нами не стенания разбитого сердца, не грёзы помутнённого разума. Перед нами просветлённая мелодия мудрости. Не та ли самая, которая так звучит в замечательном стихотворении Пушкина «Пора, мой друг, пора...»?

*Вот маки – цветущие бабочки сна,
Вот сны – золотые соцветия сада,
Что щедрую прелесть дарили сполна,
Но сад обнищал, покосилась ограда.*

*Вот сухость гремушки на месте цветка
И вызревший сон может быть смертоносен.
Вот выпуклость яблока чует рука,
И дрожь пробегает по саду, где осень.*

*И дрожь пробегает по телу. Старик,
Я вижу, как мы, то есть прежние дети,
Смеёмся с тобой вне аллеи и столетий,
Встревожив, как бабочку, солнечный блик.*

Это тихая мелодия зрелого духа, собравшего плоды мудрости, простившегося со всем, что связывало его с жизнью, собравшегося в дальний путь, из которого нет возврата.

В этой мелодии слышны уже мотивы возвращения, приближения к далёкому младенчеству, к колыбели, к райскому тому состоянию, за которым следует только забвение...

*Как позабыть о лучшем сне земном,
Который с явью до сих пор не слился...*

Из-за необозримых снегов в вечную весну устремляется дух, никогда о ней не забывавший. Хотя и снега были необозримы, и стужи житейские люты.

*Был избеган босыми ногами
Весь наш рай, что давно под снегами...*

Что же может удержать отрешившуюся душу? Скупые улыбки будней? Нет уже ни жалоб, ни сожалений. Жизнь оскудела в милости своей.

*Когда не ссылка и не гибель ждёт,
А равнодушие до потери слова.*

Примем же с радостью и благодарностью эту благую весть, присоединимся к празднику сердца. Пусть звучит просветлённая мелодия и длится, и длится золотой век российской поэзии. Подойдём, как истинные ценители, к его бессмертным патинам, к его бесценным винам, к той дивной пылице золотой, которая остаётся в ладонях после того, как прекрасный мотылёк растаял в лазури.